

КОННОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕОЛОГИЗМА

В статье рассматривается коннотативно-прагматическая сущность новых слов, появившихся в русском языке в конце XX — начале XXI века. Возникновение неологизмов воспринимается как антропоцентрически ориентированный механизм, который имеет особое предназначение: обслуживать и выражать коммуникативно-прагматические намерения носителей языка — номинативные, экспрессивные, образно-оценочные.

Неологизмы, занимая особое место в семиотическом пространстве социума, являются релевантными маркерами «языкового вкуса эпохи»¹, поскольку служат не только средством номинации нового знания, но и выражают прагматические отношения к познаваемому миру. Прагматические стимулы порождения нового слова все еще остаются в изысканиях по неологии недостаточно исследованными, хотя прагмалингвистика появилась вместе со знаковой теорией языка². Между тем появление неологизма, не говоря уже о его регенерации или реституции, изначально стимулируется когнитивно-речевой прагматикой. В составе каждого конструктивного узла возникновение нового слова воспринимается как антропоцентрически ориентированный механизм, имеющий свое особое предназначение: обслуживать и выражать коммуникативно-прагматические намерения коммуникантов — номинативные, экспрессивные и образно-оценочные.

Исходя из предназначения нового слова, к прагматическому содержанию относим то в означаемом нового знака, что выходит за рамки когнитивного значения неологизма. По своей масштабности и актуальности это может стать основой нового направления в современной неологии. Такое неологическое ответвление должно, на наш взгляд, включать, по крайней мере, два предмета изучения:

1) исследование средств выражения прагматических компонентов неологизма (субъективно-оценочных, эмотивных, эстетических);

2) исследование условий и целей, определяющих неосемиозис и моделирование коммуникативных структур, в состав которых вводится новое слово.

Особенно важным для неологической семасиологии представляется исследование природы и сущности прагматического компонента значения неологизмов. В качестве исходного для нас будет служить положение о том, что прагматический компонент значения неологизма содержит объективированные неологизмом субъективные оценки человека, которые он дает референту как изначальному объекту неологической номинации. В связи с этим представляется не безосновательным предположение, что рождение нового слова вызывается (наряду с другими стимулами) еще и потребностью объективировать значимые для той или иной эпохи доречевые когнитивно-прагматические смыслы. Рискнем даже предположить, что именно этой потребностью приводится в действие сам механизм неонминации. Причем в дискурсивной деятельности, как вытекает из когнитивно-семиологической теории слова, разрабатываемой Н. Ф. Алефиренко³, нередко появляются такие смыслы, которые системой языка не эксплицируются. Они порождаются когнитивными пропозициями⁴ в конкретном высказывании. Если предложение-высказывание — это модель факта, модель действительности, какой мы ее себе представляем, то его, по мнению Мауро де Т., можно назвать «проекцией возможной ситуации»⁵ в семантическом пространстве «возможных миров»

(Л. Витгенштейн, Дж. Серль, Д. Вандервекен, В. В. Целищев, Н. В. Черемисина, А. П. Бабушкин). Речевая интенция, т. е. потребность выразить пропозитивный смысл, или пропозициональное содержание⁶, предопределяет позиционную схему высказывания, для заполнения позиций которой подбираются соответствующие слова. Поскольку нужное слово в системе языка отсутствует, приходится или обращаться к услугам лингвосемиозиса (производить новое слово), или использовать имеющиеся в языке лексемы, которые вынуждены, погашая свое системное значение, развивать новое, необходимое для выражения нового пропозитивного смысла, связанного еще и с переживанием субъективной значимости тех явлений или событий, которые оказались в зоне действия ведущего мотива. Например: *Да и симфонические оркестры называют в последнее время симфоцищенскими* (Мегаполис-Экспресс, 2002, № 14); *Выведут ли «серую» зарплату на «чистую воду»?* (Волга, 2006, 8 сентября). Семантика такого типа слов становится предметом прагманеологии. Это, разумеется, только начальный этап становления семантики неологизма. За ним наступает фаза формирования денотативно-сигнификативного содержания неологизма.

В итоге сущность семантической структуры нового слова во многом определяется сочетанием когнитивного и прагматического компонентов. Причем прагматический компонент возникает не прямо из отношения «говорящий — знак», а из отношения «говорящий — денотат», формирующего предметное значение слова.

Следует отметить, что наш подход к прагматике нового слова вступает в противоречие с точкой зрения тех ученых, которые считают семантику и прагматику несовместимыми феноменами. Прагматика, в их понимании, — область речевых действий, находящихся за пределами семантики слова. Чтобы убедиться в обратном, необходимо преодолеть одну из принципиальных антиномий.

В современной лингвистической прагматике речевое действие, с одной стороны, противопоставляется миру и деятельности человека, являясь их знаковым аналогом, а с другой — является их продолжением и рассматривается как своеобразное событие или поступок. Налицо противоречие: акт речи стоит вне деятельности, поскольку является ее знаковой параллелью, но трактуется как однопорядковое с ним или включенное в него явление. Только устранив этот парадокс, можно решить вопрос о характере соотношения семантики и прагматики неологизма. Прежде всего необходимо выяснить причины такого противоречия. Одна из них — наличие в нашей науке разных подходов к лингвопрагматике: 1) с точки зрения семиотики предмет прагмалингвистики определяется отношениями знака и пользователя (Ч. Пирс); 2) с точки зрения теории речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля и П. Грайса. Поскольку оба подхода не ориентированы на семантику, мы будем придерживаться когнитивно-прагматической концепции Н. Ф. Алефиренко, согласно которой предметом прагманеологии является *прагматический компонент семантической структуры нового слова и закономерности его дискурсивной реализации*. В нашем понимании прагматический компонент значения неологизма — та часть его содержания, которая остается в нем за вычетом когнитивного содержания. По своей природе прагматический компонент семантики неологизма конкретнее и глубже; когнитивный — шире и богаче. В отличие от когнитивной информации прагматический компонент является носителем сведений не о референтах, а об их восприятии говорящими. Ср.: *А если мы еще и хотим, чтобы русскими оставались наши дети, нам нужно, наконец, потребовать от власти, от Министерства культуры, от Государственной думы, чтобы в стране прекратилось публичное телеизмывательство над русской культурой, русским языком, над душой русского народа* (АиФ,

2005, № 51); *Теперь всполюшились все: родители ожидают перехода коррупции из вузов в школы, педагоги называют эксперимент «дебилизацией» образования и просят президента пресечь это безобразие, а общественность, присвоив процессу термин «обЪЕГЭривание», уверена, что подобным образом в министерстве отмывают деньги* (Горожанин, 2004, № 16).

Когнитивно-прагматическая неология, следовательно, имеет особый аспект исследования, отличающий ее от коммуникативной прагматики. Она изучает то, что не вмещается в рамки денотативной информации лексического значения неологизма. При этом следует особое внимание обратить на то, что прагматический компонент актуализируется не во всех новых словах, а только там, где появляются дополнительные смыслы к их когнитивному содержанию. Ср., например, разные значения слова *серый*, которые обнаруживают себя в пределах одного контекста: *«Серые» зарплаты сегодня. Серая старость завтра* (Родная газета, 2004, 20 февраля). *«Серая» зарплата* – неофициальная, нелегальная заработная плата, выдаваемая работодателем «в конверте», по «серым» (теневым) схемам выплаты денежного вознаграждения. *Серая старость* – не обеспеченная материально, тяжелая, безрадостная. Дополнительные смыслы имеют когнитивную, а не прагматическую природу, поскольку возникают не прямо из отношения «говорящий – знак», а из отношения «говорящий – денотат». Это отношение, разумеется, затем закрепляется за неологизмом, обозначающим этот денотат. Иными словами, прагматический компонент опосредован когнитивным отношением говорящего к предмету неонимации, отражая в новом знаке оценочно-экспрессивные намерения коммуникантов.

Однако при этом возникает, пожалуй, самая запутанная проблема: как соотносятся в структуре лексического значения (ЛЗ) ее прагматический и коннотативный ком-

поненты? В существующих исследованиях, за редким исключением, эти аспекты семантики нового слова, как правило, не разграничиваются. Разница лишь в том, что в одних работах прагматическое содержание неологизма поглощается коннотацией, а в других наоборот – коннотация включается в состав его прагматики⁷. Включение одного в состав другого порождает так называемое широкое понимание прагматики и коннотации нового слова. При таком подходе в состав коннотации входят разного рода дополнительные элементы лексического значения (со-значения): эмотивный, оценочный, стилистический, экспрессивный. Данную точку зрения разделяют Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, В. А. Булдаков, И. А. Стернин и другие ученые. Так, эмотивный компонент коннотации рассматривается как «выражение словом эмоции или чувства», под оценочным компонентом понимается «одобрительная или неодобрительная оценка, заключенная в значении слова», экспрессивный компонент осмысливается как «выражение словом усиления признаков, входящих в денотативный компонент значения», «стилистическим компонентом значения является его функциональный компонент»⁸.

Некоторые исследователи уменьшают количество компонентов коннотации. Так, Н. А. Лукьянова включает в состав коннотации экспрессивность, эмоциональность и оценочность⁹, а О. В. Загоровская ограничивает коннотативный компонент значения эмоциональным, оценочным, стилистическим микрокомпонентами, вынося образность за пределы коннотации¹⁰.

Сторонники «узкого» понимания коннотации признают лишь некоторые из перечисленных компонентов. По мнению А. В. Филиппова, «не следует включать в определение коннотации другие признаки, кроме эмоциональности и стилистической окраски, т. е. не следует и понимать коннотацию в плане признания за ней других признаков – оценочности, экспрессивности, в частности»¹¹.

Ученый считает, что «оценочность — определенная сторона денотации, а не коннотации», так как «оценка — это прежде всего мнение, т. е. суждение, нечто интеллектуальное». В таком случае экспрессивность как явление, возникающее в речи и узуально не закрепленное, в семантическую структуру слова не входит.

Такой же позиции придерживается и В. И. Шаховский, считающий, что «оценочный и экспрессивный компоненты не являются коннотативными, они — компоненты логико-предметного значения»¹². Такого рода суждения переводят теорию коннотации нового слова в совершенно иную плоскость. Природу коннотации новых слов в таком случае следует искать не в оценочности и выражении отношения к называемым предметам, а в отнесенности неологизма к соответствующему дискурсу, или функциональной разновидности языка. При таком понимании можно говорить о функциональной коннотации нового слова. Так, в политическом дискурсе многие неологические метафоры коннотативны, имеют пейоративный характер (*напечь* законы, *отстирать* флаг, *отмыть* олигарха). Они возникают с целью выделить одну из сторон именуемого объекта или процесса, сравнив его с другим. Появление таких метафор связано со стремлением к стереоскопическому и образному выражению мысли.

По мнению В. И. Шаховского, «оценка и экспрессия — микрокомпоненты денотативного аспекта значения», так как основой экспрессивности является интенсивность¹³ — категория понятийная, служащая отражением степени проявления какого-либо признака вновь номинируемого предмета. В силу этого ее следует считать частью денотации неологизма. Что касается образности, то она служит той конструктивной основой экспрессивности, на базе которой развивается *прагматический* потенциал неологизма. В качестве примера можно привести семантические неологизмы с метафорическим

значением экспрессивного характера, которые выполняют в языке не столько номинативную, сколько (и прежде всего) характеризующую функцию, выступая в коммуникативном акте средством субъективного отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Именно с целью экспликации субъективного фактора, вносящего в процесс метафоризации образное переосмысление, осуществляется при неологизации метафорический перенос. Экспрессивные метафоры вызывают яркое образное представление, «апеллируют к чувствам человека», вызывают переживания, находят отклик в душе и, следовательно, создают экспрессивный эффект¹⁴. Необходимо обратить внимание на средства создания в таких метафорах экспрессивного значения, основу которого составляют три семантических компонента, актуализирующихся одновременно или дифференцированно в лексических единицах. Например, сема образности ярко выражена в таких неологизмах, как *империя* (огромные богатства, владения), *крыша* (охрана, защита, прикрытие); семы образности и оценочности одновременно актуализируются в новациях *мыльная опера* (телевизионный сериал примитивного содержания), *фишка* сезона (особенность чего-либо, привлекающая внимание, вызывающая интерес); семы образности и интенсивности превалируют в семантических инновациях *мускулы* (военная мощь), *обвальный* рост цен (стремительный, интенсивный, масштабный). Семантические неологизмы, являющиеся экспрессивными метафорами, функционируют преимущественно в публицистическом стиле, разговорной речи и жаргонном употреблении. Именно в этих коммуникативных сферах наблюдается тенденция к повышенному эмоциональному и аффективному способу выражения.

Сущностно важным в исследовании коннотативного компонента лексического значения неологизма наряду с установлением факта его многокомпонентности

является вопрос о том, в какой последовательности условных радиальных окружностей по отношению к ядру его семантической структуры располагаются такие составляющие коннотацию смысловые субкатегории, как «эмоциональность», «оценочность», «экспрессивность» и «образность». К разграничению названных конститuentов коннотации неологизма можно подходить с обобщенных позиций функциональной и системной семасиологии, предполагающей иерархическое структурирование семантического пространства. Согласно мнению одних ученых, высшим уровнем в смысловой иерархии коннотации следует считать экспрессивность. При этом эмоциональность и оценочность наряду с образностью лишь подготавливают экспрессивный (функционально наиболее значимый) эффект слова, поэтому их, естественно, придется отнести к более низким уровням. Если же следовать иной концепции, то почти с той же аргументацией высшим смысловым уровнем коннотации неологизма окажется «эмотивность». Как показывает материал нашей картотеки, коннотация нового слова может быть двух типов: экспрессивно- и эмотивно-ориентированной. Это побуждает нас продолжить поиск коннотативной сущности неологизма.

Представляется достаточно убедительной для неологии точка зрения Ю. П. Солодуба. По мнению ученого, коннотативный компонент есть «сложная, иерархически организованная структура, верхним уровнем которой является эврисемичное понятие», названное им родовым термином «коннотативность»¹⁵. При таком понимании именно эта категория должна обрести ранг ядерного элемента. Тогда околоядерные зоны будут представлены категориями оценочности и эмоциональности. Это можно объяснить тем, что познание человека носит чувственно-концептуальный характер, а любые типы оценок сопровождаются эмоциональными переживаниями языковой личности. И уже затем, ран-

гом ниже, располагается смысловая зона экспрессивности, поскольку экспрессивность является субкатегорией, непосредственно способствующей эмоционально-оценочному восприятию новых реалий действительности. В такой структурной иерархии образность является лишь субкомпонентом экспрессивности. Например: *И покуда мучается наша разбуженная ненароком совесть, пока ощущаем жуть и глубину постигшего Россию несчастья, пока не замглилось, не затянулось теледурманом освободившееся вдруг сознание, – вот до этих пор мы по-настоящему живем* (Астраханские известия, 2003, 17 июля). Эмоционально-оценочное восприятие формируется за счет переносного значения составляющего компонента *дурман* – ‘то, что опьяняет, оказывает опьяняющее, отупляющее действие’. В свою очередь, «экспрессивность новизны как особый вид экспрессивной окрашенности слова»¹⁶ достигается за счет образования сложного слова с компонентом *теле-* и обуславливается необычностью названия, которым наделяется эта реальия. Образность определяется способностью нового языкового знака выразить внеязыковое содержание с помощью образа, образных ассоциаций.

Для неологии остается актуальным замечание Ю. Д. Апресяна: «С одной стороны, коннотациями назывались «добавочные» (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слова. С другой стороны, о коннотациях говорили и тогда, когда имели в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, не входящую непосредственно в лексическое значение слова. Принципиальное различие не всегда осознавалось, и традиция неотчетливого использования термина сохранилась до наших дней»¹⁷. Вопрос о компонентном составе и сущности коннотации до настоящего времени

остаётся дискуссионным, что и побудило нас обратиться к исследованию этого вопроса в связи с проблемой изучения коннотативного содержания неологизма. Рассмотрение разных точек зрения ученых на проблему коннотации релевантно в плане последующей их проекции на семантику нового слова.

Сложность определения сущности коннотативного компонента в значении нового слова объясняется прежде всего его латентностью.

Коннотация, по мнению Н. Г. Комлева, не выражается эксплицитно, это «семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке, лексическом понятии или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное слово-значение»¹⁸. Подобная точка зрения уже с позиций когнитивной семантики обосновывается в работах Ю. С. Степанова: «В содержании человеческой речи, кроме основной информации – мысли, почти всегда можно найти также социальную информацию, указание на социальное положение говорящего и ... информацию эмоциональную»¹⁹.

В концепции О. С. Ахмановой коннотация определяется как «добавочное значение, окраска, окрашенность. Дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность»²⁰. Выделенные признаки коннотации стали общепринятыми, они отражены в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», который трактует коннотацию как «эмоциональную, оценочную или стилистическую окраску языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального харак-

тера. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию»²¹.

В. Н. Телия полагает, что коннотация – это «семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмоционально-оценочное и стилистически маркированное отношение объекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект»²². Существенным для неологии является содержащееся в ее определении указание на пути (узуальный или окказиональный) вхождения коннотации в семантическую структуру нового слова и выделение в коннотативном содержании стилистически маркированного компонента. Обратимся к примерам. В языке современной публицистики отмечается факт вхождения ряда слов в семантическую область «отвергаемого», когда они «ухудшают» свое значение, приобретают негативный стилистический ореол²³. Прилагательное *советский*, получившее в современном словоупотреблении сниженную стилистическую окраску, стало производящей основой для негативной номинации «совок». Анализируемое слово омонимично названию «социально-низкого» предмета, и, по-видимому, такое совпадение не является случайным, поскольку вызывает ассоциации, способные усилить пренебрежительный оттенок слова. «По внутренней форме слово вписывается в длинный ряд метафорических названий людей с общим значением «глупый, тупой» – таких как *балда*, *бревно*, *пень*, *дуб* и т. п.»²⁴. В связи с этим в отличие от прилагательного «советский» номинации «совок», «совковый», а также их производные способны вызывать стилистические впечатления вне контекста. Они сами окрашивают контекст, сообщая ему ту или

иную настроенность. Например: *А. Кабакова попросили высказаться о понятии «совок», о совковости как социальном явлении и о себе в качестве примера или образца. Писатель сказал, что «все мы совки» и честно признался, что и он тоже... В чем суть совковости? В чем причина ее прилипчивости? Все ли жившие при советах были совками и ими остались?».*

Таким образом, традиционно в состав коннотативного компонента лексического значения включают оценочность, субъективно-семантическую модификацию значения, эмоциональный компонент, окраску, окрашенность. Анализ нашей неологической картотеки показывает, что дополнительных размышлений требует первая составляющая — оценочность, в составе которой, вслед за основателем эмотивной лингвистики В. И. Шаховским, мы усматриваем ярко выраженный денотативный фон, формирующийся в процессе социального отношения к познаваемому предмету.

Изложенные выше суждения свидетельствуют о сложности, многогранности и даже противоречивости такого понятия, как коннотация нового слова, при этом набор компонентов коннотативного значения, естественно, вызывает острую дискуссию. Тем более, если утверждается, что коннотация порождается условиями функционирования неологизма, узусом его употребления и имеет психолингвистическую природу.

Структурно-прагматический компонент значения нового слова состоит из визуального элемента (общего для всего языкового коллектива), относящегося к плану содержания *языка*, и окказионального смысла (индивидуального, субъективного), относящегося к плану содержания *речи*.

Когнитивно-прагматическая неология, таким образом, объединяет языковую и дискурсивную ипостаси нового слова: с одной стороны, обращена к языковым средствам выражения прагматического

компонента (субъективно-оценочным, эмотивным, эстетическим, модальным); а с другой — к языковым и речевым средствам выражения прагматического компонента относительно целей и результатов языковой коммуникации. Это, по сути, два (когнитивный и прагматический) аспекта лексической семантики нового слова.

Когнитивный аспект связан не только с познаваемыми реалиями, но и теми пресуппозициями, которые сформировались у коммуникантов ранее. Обычно утверждается, что пресуппозиции — это личный опыт, включающий в себя внеязыковые знания, культуру, традиции, обычаи, верования, исторические условия жизни и т. п. Однако, будучи достоянием индивидуума, он выходит за пределы субъективного, поскольку подвергается обработке со стороны опыта культурно-исторического. Поэтому культурная коннотация — особая разновидность традиционно выделяемого макрокомпонента языковой семантики, рассматриваемого чаще всего в его этимологическом понимании как со-значение слова. Однако в современной науке оно все более явно приобретает собственно культурологическую значимость, становясь базовым понятием лингвокультурологии²⁵. В этом смысле под культурной коннотацией понимается дискурсивно-когнитивная интерпретация (в этнокультурном сознании) образно мотивированного языкового значения. В этом плане мы разделяем понимание культурной коннотации, данное О. И. Быковой: «Культурно маркированная коннотация возникает в результате интерпретативной деятельности носителей языка посредством отнесения ассоциативно-образного основания для вторичной номинации со знаками национальной культуры, представлениями, эталонами и стереотипами, отражающими менталитет народа»²⁶. Это суждение особенно существенно для характеристики семантических неологизмов, а также новых слов, образованных из заимствованных элементов и «переработанных» русским языковым сознанием.

Так, на базе метафоризации сформировалась значительная часть лексики из сферы компьютерных технологий. Например: *крыса* (мышь советского производства, очень большая по сравнению с зарубежными стандартами), *плитка* (печатная плата), *реаниматор* (специалист по «оживлению» отключившейся вычислительной машины), *мусор* (помехи в терминальной или телефонной сети). В процессе метафоризации данные слова получают яркую экспрессию, что не может не отразиться на формировании определенной устойчивой оценочности в сознании носителей языка. Особое место среди компьютерной лексики занимают слова, не имеющие семантической мотивировки. Данные лексические образования отличаются связь с общенародными словами и компьютерными терминами, вместо которых они используются в жаргонной системе. Связь эта строится на отношениях частичной омонимии: словам, не имеющим семантической мотивировки, свойственны отдельные морфо-фонетические совпадения с общеупотребительными словами и профессиональными терминами программистов, чаще всего заимствованными из английского языка. Например: *вакса* (операционная система VAX); *бедный* (испорченный диск, от *англ.* Bad); *задуматься* (увлечься популярной игрой «Doom»); *запутаться* (записать файл, от *англ.* Put); *пентюх* (компьютер Pentium и тот, кто за ним работает); *шелуха* (программа-оболочка, от *англ.* Shell). Данные новообразования эмоционально, экспрессивно и оценочно окрашены.

Все многообразие предложенных толкований и дефиниций коннотации сводится, однако, к двум изначально сформировавшимся позициям – собственно лингвистической и экстралингвистической.

С собственно лингвистической позиции среди главных свойств коннотации традиционно отмечаются следующие: дополнительность к денотативному аспекту значения, вторичность коннотации по отношению к

денотации, выражение эмоциональной, экспрессивной и оценочной информации. Однако, по мнению Н. Ф. Алефиренко, такие свойства «не могут служить достаточным основанием для уяснения лингвистического статуса коннотации, который предполагает прежде всего определение характера отношения коннотации к семантической структуре слова или фразеологизма. Но именно это и является наиболее уязвимым местом современной семантической теории»²⁷, что, следовательно, вызывает острые дискуссии о сущности и структуре коннотации, ее языковой природе. Так, Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, В. И. Говердовский, Н. А. Лукьянова, Е. Ф. Петрищева, И. А. Стернин, В. Н. Телия, В. И. Шаховский считают коннотацию составной частью семантического содержания номинативных единиц. Однако, по мнению Ю. Д. Апресяна, Н. Г. Комлева, Д. Н. Шмелева, коннотация не является составной частью языковой семантики. О. С. Ахманова рассматривает коннотацию в качестве элемента сигнификата, а В. Н. Телия – в качестве компонента импликационала, составляющей ассоциативно-образного рисунка слова и фразеологизма. Коннотация в понимании Э. С. Азнауровой – это окраска, семантические оттенки языковых единиц, по В. В. Виноградову – потенциальная ассоциативная энергия слова, по убеждению же И. В. Арнольд и А. В. Филиппова – это стилистическое значение.

Действительно, по сравнению с изначальным пониманием коннотации слова в трудах Дж. Милля, Л. Блумфилда содержание одноименного термина получило расширенное и неоднозначное толкование. Чаще всего оно связано с экспрессивной окраской единиц языка. Такое (традиционное) использование рассматриваемой категории в неологии обусловлено изучением коннотации на всех стадиях приобретения и накопления знаний о способах создания своеобразного «добавочного» значения новых слов и выражений, которое придает им экспрессивность, по-

рождает национально-языковое своеобразие, культурологическую ценность, создавая тем самым необходимый прагматический эффект — обостряет внимание к речевому восприятию нового объекта наименования. Например: неологизм *зернорубль*, по-видимому, возник по аналогии с уже существующей единицей языка *нефтьедоллар* — ‘валюта в долларах, получаемая за экспортируемую сырую нефть’, а возможно, и с целью противопоставить новое слово существующему. Коннотативное содержание неологизма проявляет себя в контекстах типа: *Зернорубль не хуже нефтьедоллара* (Российская газета, 2003, 23 декабря).

Экстралингвистическая позиция наиболее последовательно раскрывается в трудах Ю. Д. Апресяна: коннотация — это «узаконенная в данном языке оценка объекта действительности, именем которой является данное слово», точнее не всегда существенные, но устойчивые признаки выражаемого им понятия, которые фиксируют принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета. Эти признаки не являются ни компонентами лексического значения, ни следствиями или выводами из него²⁸. Культурологические акценты в определении коннотации выделяет Е. Бартминский, под которой понимается «совокупность не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества ассоциаций»²⁹, сопутствующих лексическому значению содержательных экстралингвистических стереотипов логического или эмотивного характера. Ю. Д. Апресян настаивает на необходимости разграничения коннотаций и лексических значений. Первые в отличие от вторых указывают на несущественные признаки выражаемого понятия. Попытки Ю. Д. Апресяна обосновать экстралингвистическую сущность коннотации («оценка объекта действительности, именем которой является данное слово») убедительны лишь для небольшой группы слов — этнокультурных номинантов. В

большинстве случаев более корректно было бы говорить не об экстралингвистической сущности, а о внеязыковой (пре-суппозиционной) природе культурных коннотаций.

Необходимо продемонстрировать, по мнению сторонников экстралингвистической сущности коннотации, что коннотативными признаками обладают культурные предметы знакообозначения, а не сами языковые значения, хотя объективируются они названными выше языковыми средствами. В коннотации, заключает Ю. Д. Апресян³⁰, проявляется творческий характер языка, реализуется его эвристический потенциал — лингвокреативный источник постоянного совершенствования и обновления речемыслительных возможностей человека.

Культурную коннотацию обуславливает, если следовать концепции Ю. Д. Апресяна, следующее: компаративность (= отношение уподобления); коннотацию слова можно фиксировать только в тот момент, когда несущественный признак обозначаемого им объекта стал семантическим компонентом в толковании другой единицы языка. В таком случае коннотация неологизма становится связующим звеном между двумя языковыми единицами. Если следовать этой точке зрения, то культурно-коннотативный компонент семантической структуры нового слова задает несколько направлений его функционально-семантического «поведения». К ним можно отнести «внутреннюю форму» неологизма, его образную структуру; стереотипность использования объекта; традиции литературной обработки лексемы; политические, религиозные контексты лексемы; этимологическую память слова. Из сказанного вытекает, что источником культурной коннотации прежде всего выступает когнитивно-прагматическая деятельность человека.

Содержанием коннотативного компонента лексического значения нового слова, если следовать за Ю. Д. Апресяном, сле-

дует считать узаконенную в данном языке оценку объекта действительности, именем которого данный неологизм является. Иными словами, природу и сущность коннотации неолексемы определяют не всегда существенные, но устойчивые признаки выражаемого ею концепта, которые представляют принятую в данном языковом коллективе *прагматическую* оценку номинируемого предмета. Однако в отличие от Ю. Д. Апресяна, утверждающего, что коннотации «не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него»³¹, проведенное нами исследование позволяет рассматривать коннотативные смыслы элементами семантической структуры нового слова. Анализ неологического материала показывает, что коннотациями нового слова являются устойчивые признаки выраженного в неологизме нового смыслового содержания, воплощающего новое видение данным языковым коллективом номинируемого объекта познания. Например: *фальшивотаблетчики* – ‘изготовители фальшивых таблеток – контрафактных лекарственных препаратов’. Новое видение номинируемого объекта происходит за счет аналогии со словом *фальшивомонетчик* – ‘человек, который занимается изготовлением фальшивых денег’. Коннотативное содержание нового слова проявляется в контекстах типа: *В 1997 году впервые в России факт подделки лекарства был зарегистрирован официально. Тогда жертвой «фальшивотаблетчиков» стал препарат риополиглюкин* (Новые известия, 2004, 11 июня). Таким образом, коннотативные семы неологизма являются смысловыми элементами его лексического значения.

Результаты исследования неологического пласта современного русского языка позволяют выделить в качестве основных признаков коннотации нового слова следующие признаки:

1. *Признак производности*, согласно которому неологическая коннотация раз-

вивается на базе вторичного денотата (денотативного аспекта значения неологизма), а не первичного денотата, что связано с неологическим переосмыслением или новизной денотата. Ср.: *семья* – ‘группа живущих вместе близких родственников’ и *семья* – ‘о ближайшем окружении Б. Н. Ельцина, сформировавшемся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления’; дополнительно к семам ‘близость’, ‘родство’, ‘совместное проживание’ в лексическом значении неологизма появляются семы ‘окружение’ (Б. Н. Ельцина), ‘высшие властные структуры’. Приведем примеры, фиксирующие появление нового значения: *Указом № 1763 исполняющий обязанности президента России Владимир Путин установил гарантии и привилегии для ушедшего в отставку президента России и членов его семьи* (после чего слово «*семья*» получило официальные права в нашем политическом лексиконе) (Zavtra.ru, 2001, 4 декабря); *Когда и каким образом Г. Селезнев заработал столь глубокое и полное доверие того, что у нас называется Семьей, – остается загадкой* (Волга, 2000, 25 июля).

2. *Вторичность коннотации* по отношению к вновь возникшей денотации в процессе формирования лексического значения неологизма. По нашим наблюдениям, вторичность неологической коннотации, например, слово *семья* мотивируется коннотацией его первичного значения, коннотативным содержанием которого служат семы ‘забота’, ‘защищенность’, ‘взаимопонимание’, ‘стремление членов семьи укреплять нравственные и экономические факторы ее благополучия’. На основе выделенных коннотативных сем первичного значения развивается коннотация вторичного значения слова *семья* (полит.), которая формируется как производная на базе первичной коннотации в структуре первичного значения слова *семья*; в качестве ядерной сохраняется сема ‘укрепление и приумножение экономического благополучия’. Кроме того, развиваются такие не-

гативные коннотации, как ‘клановость’, ‘коррупция’, ‘нажива’. Неологическое значение функционально ограничено, поскольку реализуется в пределах политической сферы. Например: *Приход Дерипаски дал старт мощному наращиванию экономических «мускулов» Семьи, последовательно прибравшей к своим рукам алюминий, автомобили, затем уголь* (Совершенно секретно, 2003, № 12); *В последние дни в российском политбмонде стала усиленно распространяться молва о новом грандиозном плане Бориса Ельцина и его политической семьи* (Версия, 2003, № 11).

3. Выражение эмоциональной, экспрессивной и оценочной информации в лексическом значении нового слова: словарная дефиниция семантического неологизма *семья* сопровождается пометой «неодобр.»; негативная оценочность анализируемого слова ярко отражается в политическом дискурсе. Например: *Шагреневая кожа Семьи продолжает съезжаться* (АиФ, 1999, 1 сентября). Изменение коллективной оценки обществом своих некогда незыблемых идеологических и политических установок расширило дискурсивное пространство анализируемого неологизма, поскольку наряду с положительными коннотативными семами не только возникают, но и преобладают негативные смыслы. Следует отметить, что смена действующей власти не привела к затуханию нового смысла концепта ‘семья’: *Не теряет ли окончательно Семья свое значение, уступая место выходцам из «северной столицы», новой Семье?* (Совершенно секретно, 2003, № 12). Новый концептуальный смысл стал обрабатываться ассоциативным рядом и оттенками смысла. В структуре лексического значения утрачена дифференциальная сема ‘ближайшее окружение Б. Н. Ельцина’, релевантным становится значение ‘ближайшее окружение руководства в высших властных структурах государства’. Например: *Судя по результатам голосования за измененный бюджет, напрасно Виктор*

Андреевич [Ющенко] предлагал Юлии Владимировне [Тимошенко] дружить на парламентских выборах политическими семьями (Трибуна, 2005, 27 марта). В политическом дискурсе отмечается и несколько «усеченное» понимание этого слова – ближайшее окружение любой власти, не только высшей, например: *Однако даже у «жириновцев» нельзя себе представить, чтобы 7 из 12 первых мест в списке заняли представители одной семьи* (Труд, 2004, 4 ноября); *Инициаторами нередко являются отнюдь не те, кто обладает реальной властью, а чаще всего прихлебатели и приживалы власти – переребечки из других «политических семей»* (Независимая газета, 2005, 13 декабря). В любом случае слово употребляется только с явно пейоративной коннотацией.

Особенно богатым спектром коннотативных значений обладают новые слова антропоцентрического характера, поскольку отражают явления действительности через призму человеческого сознания. Деятельностной природой человеческого сознания обусловлено появление в языке коннотативно окрашенных неологизмов, в частности аббревиатур. В последнее время в языке отмечается перенасыщение инициальными аббревиатурами, зачастую неудобными в произносительном плане, трудными для запоминания. Своеобразной реакцией на аббревиатурное перенасыщение в языке является лексикализация аббревиатур, сознательное приобщение их к обычным лексическим единицам, в результате чего в языке активно проявляет себя омоакронимия (или акронимическая омонимия), т. е. создание сокращенных единиц – омоакронимов (фонетических дублетов)³², которые полностью совпадают по своей фонетической структуре с узуальными словами. Ср.: *аист* (птица) – *АИСТ* (Ассоциация искателей слов и терминов), *Марс* (планета) – *МАРС* (Малая академия русской словесности), *слон* (животное) – *СЛОН* (Союз людей за образование и науку). Подобно-

го рода единицы являются словами с двойной мотивацией. Аббревиатурные наименования выступают как омонимы по отношению к соответствующим существительным, в то же время начинают в определенной степени ассоциироваться с ними. Сближение акронима с обычным словом привносит в названия некоторый элемент коннотаций экспрессивного характера. В качестве модели при создании омоакронима часто выбирается не только наиболее знакомое узуальное слово, но и такое, чтобы его значение ассоциировалось с внутренней формой, смыслом этого термина.

Омоакронимы – специфические лексические единицы, поскольку они аккумулируют значение исходного словосочетания и в них привносится сигнификативное значение узуального слова. В связи с этим в омоакронимах заложена предметно-логическая информация, связанная с коммуникативной функцией языка, а также коннотативная информация, детерминированная прагматическими намерениями создавшего акроним автора. Представляет интерес следующий пример. 8.10.2006 г. глава Минэкономразвития Г. Греф доложил президенту В.В. Путину о начале биржевой торговли российской нефтью под названием REBCO (от английского варианта этого названия – Russian export blend crude oil). Новая аббревиатура начала активно функционировать в современных масс-медиа: *REBCO была подана на информационный стол президента как «репка»* (Газета.ру, 2006, 9 октября); *«Знаю, что ваши специалисты работают над решением этой проблемы и даже придумали благозвучное для русского уха название для этой национальной смеси нефти – РЕПКА – аббревиатура из нескольких слов, но звучит вполне приемлемо», – сказал Владимир Путин* (Дни.Ру, 2006, 9 октября); *С 20 февраля следующего года торги новым российским фьючерсом «РЕПКА» будут запущены на Нью-Йоркской бирже* (Российская

газета, 2006, 9 октября). Этот пример демонстрирует сознательное приобщение аббревиатуры из английских слов REBCO к русскому слову РЕПКА, что обусловливается деятельностной природой человеческого сознания, в результате чего появились близкие по своей фонетической структуре единицы. К тому же РЕПКА становится коннотативно окрашенной единицей, именно этот вариант максимально востребован в масс-медийном дискурсе. Показательно, например, название статьи: *Греф будет продавать в Нью-Йорке РЕПКУ* (Дни.Ру, 2006, 9 октября). Подобные употребления выступают стимулами активного творческого и эмоционального восприятия текста, в связи с чем являются эффективным инструментом целенаправленного речевого воздействия в языке газет.

Итак, лексическое значение неологизма следует рассматривать как особую форму отображения познаваемого предмета действительности в перекраиваемой или обновляемой языковой картине мира, как отношение между порождаемым в процессе неологизации звуковым комплексом и новым (обновленным) концептом и как отнесенность данного звукового комплекса к новому объекту действительности. В процессе осмысления новых предметов реальной действительности в сознании носителей языка наряду с сигнификативным компонентом ЛЗ неологизмов, отражающим их существенные характеристики, появляется еще и насыщенное коннотативно-прагматическое содержание. Особенно богатым спектром коннотативных смыслов обладают те неологизмы, которые неразрывно связаны с человеком, поскольку они объективируют новые явления действительности, пропустив их через призму человеческого сознания. В коннотациях проявляется важный творческий аспект языка: они являются одним из потенциальных источников его лексического и семантического обновления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — М.: Педагогика-пресс, 1994.
- ² Leech G. N. Principles of pragmatics. — London, New York, 1983.
- ³ Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. — Самара. — 2006. — № 5/1 (45). — С. 102–110.
- ⁴ В связи с многозначностью этого термина уточним, что нами он употребляется для обозначения особой оперативной структуры сознания, порождаемой восприятием событий и явлений в их взаимодействии. Пропозиция — «речемыслительное отражение “положения дел”, представляющего предмет не в отвлечении от совершающихся в нем процессов, а изменяющийся объект, рассматриваемый в единстве с процессом» (Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. — М.: «Языки славянской культуры», 2001. — С. 459).
- ⁵ Мауро де Т. Введение в семантику / Пер. с итал. Б. П. Нарумова. — М.: «Дом интеллектуальной книги», 2000. — С. 75.
- ⁶ Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. — М.: «Языки славянской культуры», 2003. — С. 157, 163
- ⁷ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. — М., 1995; Прядильникова Н. В. О соотношении коннотативного и прагматического компонентов в структуре лексического значения // Языковая личность — текст — дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: Материалы международной научной конференции: в 2-х ч. Ч. 2. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. — С. 185–189.
- ⁸ Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж, 1979. — С. 94–113.
- ⁹ Лукьянова Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — Вып. 8. — Новосибирск, 1979. — С. 21.
- ¹⁰ Загоровская О. В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. — Воронеж, 1983. — С. 16.
- ¹¹ Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. — 1978. — № 1. — С. 60.
- ¹² Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж, 1987. — С. 68.
- ¹³ Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. — Волгоград, 1983. — С. 14.
- ¹⁴ Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 84.
- ¹⁵ Солодуб Ю. П. Структура лексического значения // Филологические науки. — 1997. — № 2. — С. 58.
- ¹⁶ Сенько Е. В. Экспрессивность новизны как особый вид экспрессивной окрашенности слова // Проблемы экспрессивной стилистики. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1987. — С. 137.
- ¹⁷ Апресян Ю. Д. Избранные труды. — Т. 2. — М., 1995. — С. 157.
- ¹⁸ Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. — М., 1969. — С. 108.
- ¹⁹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997. — С. 21.
- ²⁰ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 305.
- ²¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. — М.: Сов. энциклопедия, 2002. — С. 236.
- ²² Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986. — С. 5.
- ²³ Клушина Н. И. Как некоторые слова ухудшают свои значения // Русская речь. — 1998. — № 3. — С. 54.
- ²⁴ Костомаров В. Г. Указ соч. С. 177.
- ²⁵ Алефиренко Н. Ф. Коннотация и прагматика «языка культуры» // Славянские языки в свете культуры: Сб. науч. статей / Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Institut Filologii

Siowiaeskiej Uniwersytetu Szczecińskiego (Polska), Ernst-Moritz-Arndt-Universität für Slavistik (Deutschland). – М.: «А Темп», 2006. – С. 8.

²⁶ Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2005. – С. 40.

²⁷ Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – С. 162–163.

²⁸ Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 159.

²⁹ Bartmieski J. Zaioienia teoretyczne siownika // Siownik ludowych stereotypow jkzykowych. Zeszyt przybny. – Wroclaw, 1980. – S. 6–17.

³⁰ Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 169.

³¹ Там же. С. 157–159.

³² Лунатов А. Т. Омоакронимия как важный индикатор лексикализации аббревиатур // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков. – Абакан, 2001. Вып. 1. – С. 38.

L. Kas'yanova

CONNOTATIVE AND PRAGMATIC SUBSTANCE OF A NEOLOGISM

In the article connotative and pragmatic essence of the new words which appeared in the Russian language at the end of the 20th – the beginning of the 21st century is considered. Occurrence of neologisms is perceived as an anthropocentrically focused mechanism which has a special applicability: to serve and express connotative and pragmatic intentions of native speakers – nominative, expressive, figurative and estimating.